

г л е б ш у л ь п я к о в

г л е б ш у л ь п я к о в

к р а с н а я

п л а н е т а

р о м а н

ЭКСМО

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш95

Дизайн — Андрей Бондаренко

Фото автора на обложке — Нина Ай-Артян

Шульпяков, Глеб Юрьевич.

Ш95 Красная планета / Глеб Шульпяков. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-097488-7

Художник и писатель, драматург и актриса, философ и авантюрист... Считается, что творческие люди особенно чувствуют время. Но какой отпечаток само время накладывает на их судьбы? Вместе с героями «Красной планеты» мы проживаем год, следующий за кризисным 2014-м. В этом промежутке еще царит неразбериха, а в судьбах героев смешались Смутное время и современность, костромская провинция и Германия, сны о Стамбуле, Рим и предновогодняя Москва. Как ни странно, именно это смешение позволяет разглядеть линию жизни особенно отчетливо. Каждому из героев время приготовило неожиданное будущее. Каждый из них обретает свою Красную планету.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шульпяков Г., текст, 2018
© Бондаренко А., макет, обложка, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018
© Ай-Артян Н., фотография на обложке, 2018

ISBN 978-5-04-097488-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Петр Алешковский.

О свободе и правде. Вместо предисловия 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.	КРАСНАЯ ПЛАНЕТА	13
2.	ДРАМАТУРГ	21
3.	СУХОЙ	31
4.	ВАДИМ ВАДИМЫЧ	35
5.	АДАМ И ЕВА	43
6.	ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА	48
7.	ВЕРНУТЬСЯ ПРЕЖНИМ ЧЕЛОВЕКОМ	61
8.	ЭСРА	68
9.	ПИСЬМА СЧАСТЬЯ	82
10.	САМАЯ КРАСИВАЯ ДЕВУШКА МОЗЕЛЯ	94
11.	САМЕТЬ	113

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

12.	КРАСНАЯ ПЛАНЕТА ИВАНА ОДЕЯЛОВА	127
13.	СМУТНОЕ ВРЕМЯ	131

14.	ЛЮДИ ИЗ ЦВЕТОЧНОГО ГОРШКА	160
15.	ЛЮБОВЬ ПЕРИОДА ЖИЗНИ	174
16.	ДВЕ ГРАНИЦЫ — ТРИ СТРАНЫ	186
17.	МОЛОДАЯ АКТРИСА НА РОЛЬ ВДОВЫ ДОСТОЕВСКОГО	203
18.	МУЗЕЙ ПЫТОК	222

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

19.	МЕТОД ХОЛОДНОГО ВОСПИТАНИЯ	255
20.	ЧЕРНЫЙ МОНАХ	262
21.	С ЛЕГКИМ ПАРОМ	283
22.	НОВАЯ ИСТОРИЯ КРАСНОЙ ПЛАНЕТЫ	297
23.	ОГОНЬ ЛЮБВИ	301

О свободе и правде. Вместо предисловия

С момента появления на карте мира новой, свободной от коммунизма России, прошло много лет, мир потерял Берлинскую стену, и, кажущееся невероятным передвижение из страны в страну стало нормой для многих и многих наших сограждан. Девяностые канули в бездну, как и детективные сериалы о бандитах — никак не раскрывавшие сложности и глубины произошедшего. Наконец, кажется, наступило время осмысления, рефлексии по поводу пережитого.

Роман Глеба Шульпякова “Красная планета” — одна из попыток такого осмысления. Красная планета — полузабытая жизнь в академическом городке — спутнике Москвы-столицы, возникает на страницах лишь вскользь, как возникают в памяти пожившего фрагментарные воспоминания из глубокого детства. В отличие от заполонивших литературное пространство мемуаров о прекрасной жизни в СССР, написанных по большей части людьми не захватившими то время отсыл к прошлому в романе честный — подернутое туманом детство, которое почти всегда прекрасно.

Герои книги, однокашники, они родом из Красной планеты — ни больше ни меньше, жизнь их

проходит в метаниях по свету — Германия, Польша, Голландия, Италия, Турция, но разноязыкие страны и их культура, описанные мастерской рукой, составляют лишь фон, на котором разворачиваются судьбы людей, ищущих свое место и дело. По ходу движения сюжета, со скоростью поезда, кочующего из страны в страну, мы видим, что фон нужен как задник на сцене, где разворачиваются трагические поиски заблудших душ — поиски свободы и правды — извечных, коренных философских понятий, к уяснению которых стремится рефлектирующая душа любого, кто думает о жизни. Перемещения в пространстве сюжета не случайны — как на Пути человека всегда много остановок, станций, так и в романе много отстреливающих в сторону историй, собранных по дороге — от убийства царевича Димитрия в Угличе до судьбы младшего брата Владимира Набокова Сергея, погибшего в немецком концлагере. Дорога превращается в виноградную кисть, где каждые ягодки не случайны и лепятся друг к другу, создавая объем.

Судьбы героев различны, но в конце книги мы видим оставшихся в Сандуновской бане, их поносило по свету и снова собрало вместе здесь и сейчас. Характерно и то, что главный герой Саша Сухой, оставив занятие литературой, становится служкой при храме, где когда-то служил иереем его прадед. Путь христианина не публичен и тих, Глеб Шульпяков сознательно подчеркивает это. Писатель смотрит на протекающую жизнь словно сквозь калейдоскоп — разноцветные стекляшки-случаи разлетаются, чтобы составить новую фигуру-витраж, похожую на предыдущую лишь набором цветных осколков.

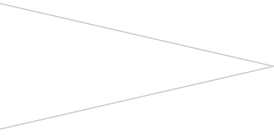
Повествование движется вроде как в стороны, но, умело возвращается на основной путь, язык становится локомотивом повествования, а сознательно недосказанные диалоги превращаются вдруг в текст пьесы, заставляя остро прочувствовать напряжение и энергетику жизни.

Кроме извилистой конструкции сюжета, Шульпяков дает каждому герою еще и поговорить отдельно, своим голосом, и тут невольно чувствуется перекличка с известными приемами Орхана Памука с его многочисленными рассказчиками, взятыми им из упоительных арабских сказок 1001 ночи. Красная планета абсолютно лишена дидактики и нравовучения, жизнь течет, как ей и положено, но зоркий глаз читателя выудит из романа рассуждения о дне сегодняшнем, и даже приговоры, но ненавязчивые, выстраданные, лишённые дешевого политиканства, честные и глубокие, как и полагается приговорам настоящей прозы.

Жизнь и судьба, никуда не деться от этих спаянных Гроссманом однажды и навсегда слов, ставших отправной станцией для многих отечественных писателей, жизнь после развала прошлой жизни, судьбы современников, связанных с прошлым куда крепче, чем им могло показаться, от которого не откеститься и без которого не выжить, как ни крути.

ПЕТР АЛЕШКОВСКИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

КРАСНАЯ ПЛАНЕТА

Из рукописи, которая останется неоконченной

Мало кто теперь помнит историю первой экспедиции на Красную планету. Между тем среди колонистов были мои родители. Сам я родился и провел на планете первые годы жизни, правда, в памяти не осталось ничего, кроме гула инъекторов. После возвращения родители почти не вспоминали о прошлой жизни, а мне спрашивать не приходило в голову, я был ребенком. Эта история растворилась бы в прошлом, если бы не случай, а именно наручные часы, которые недавно попались мне на барахолке в Сан-Лоренцо. Такие часы носил мой отец, поэтому я сразу заметил их, а когда взял в руки, не поверил глазам. “Слава первопроходцам Красной планеты” было выгравировано на крышке.

Фотографию, которая стояла на моем столе, сделали перед эвакуацией. В шубе и пуховом платке, нога чуть отставлена, улыбается мама. Свет рефлектора слепит глаза, и она прикрывает лицо рукой в варежке. Рядом отец: пальто, малахай, клетчатый шарф. Что-то показывает девочке-подростку (это моя сестра). А карапуз в ушанке и валенках — это я. За сугробами виднеются жилые корпуса и угол

транспаранта: “...передовой край науки”. Дальше сосны и черный октаэдр Станции. Безмятежные, молодые лица... О том, что колонию скоро закроют, никто не догадывается.

Я завел часы, и комната наполнилась неуловимым шелестом. Забытый звук, кузнечик времени! Как непривычно слышать его в сумерках чужого города; как невозможно поверить, что красная точка на небе — место, где прошло мое детство.

Отзвонили в церкви Паломников; с грохотом опускались решетки в лавках; все громче кричали птицы; вслед за последними лучами исчезла с неба и моя красная точка. Чтобы убить кузнечика, я разглядывал через окно кирпичную стену соседнего дома. Часто подмывало меня перепрыгнуть через переулок на крышу этого дома да и залезть под самый купол (я даже представлял, как захрустит черепица). Но что интересного в обычной крыше, кроме того, что каждое утро она представляла перед моими глазами — то высвеченная солнцем, то в мокрых дождевых пятнах, усиженная брезгливо-равнодушными чайками? Как будто за куполом, куда по вечерам опускалась красная точка, скрывалась отгадка всех тайн мира.

Мы познакомились в год, когда у берегов Святого Андрея потерпел крушение паром “Коринтия”. Это был самый дорогой, самый большой и самый надежный круизный лайнер. Но капитан (родом из Шию) решил покрасоваться перед односельчанами и подвел паром слишком близко к берегу. “Коринтия” села на мель, а потом перевернулась.

Вот уже неделю она лежала на камнях, собирая толпы зевак и туристов со всего Юга, и даже я, житель другой части полуострова, отправился посмотреть на это диковинное зрелище.

Мой поезд прогремел по тоннелям, перемахнул через ущелья и к вечеру высадил меня под стенами монастыря Святой Варвары. Указатели, наспех установленные расторопными шийонцами, без труда вывели к месту крушения.

Смотровая площадка пустовала, и даже продавец лимонов закрывал свой желтый фургончик. Один господин только и стоял у ограждения. Он был в сером костюме и светлых туфлях и смотрел вниз, не отрывая взгляда. Я расставил штатив чуть поодаль и навел камеру. Зрелище было, что и говорить, величественным. Сверкающие в лучах заходящего солнца волны с далеким стоном перекатывались через огромное стальное чудовище, из глазниц и жабр били фонтаны. Не корабль, а поверженный Левиафан лежал на камнях. “Есть еще океан”, — неожиданно сказал господин по-русски. “Вы из России!” — живо обернулся я. Так мы и познакомились.

Моего нового знакомого звали Карлуш. За ужином в дормиторию он рассказал о себе. Дипломат и переводчик, к сорока пяти годам он повидал много необычного в разных частях света, а детство, оказывается, провел в Москве. Выяснилось, что учились мы в соседних школах и даже сбегали с уроков в один и тот же кафетерий, — и множество других подробностей, выуживать которые из небытия памяти оказалось так ошеломительно и